

— Почтенный Чэнъин действительно пошел на такое? — клубы непроглядно-черного тумана обвились вокруг запястья Ло Юя. Голос Наставника звучал потрясенно. — Неужели он не побоялся в миг лишиться тысячи лет совершенствования?

— Кабы побоялся, разве Янь Жунъи дожил бы до сегодняшнего дня? — мрачно отозвался Ло Юй.

Первейший мечник поднебесного мира, стоявший на самом пороге вознесения, ради превратившегося в калеку ученика пожертвовал собственным первозданным духом — скажи кому, засмеют ведь, не поверят!

И все же эта дичь, не поддающаяся никакому разумению, случилась наяву.

— Почему я не могу разделаться с ним лично? — лицо Ло Юя исказилось от досады, и он с затаенной злобой уставился на черную мрак-дымку. — Раз уж сам Небесный Дао не терпит его существования, почему просто не стереть его в порошок?

Черный туман надолго умолк, прежде чем глухо проронить:

— Воля Небес неразгласима.

Ло Юю до смерти осточертели эти туманные увиливания. Взбешенный, он принялся мерить комнату шагами:

— Да глупости! Никакая это не воля Небес. Просто сам Небесный Дао хрен что может сделать с Почтенным Чэнъином!

Не успело эхо его слов утихнуть, как за окном с грохотом раскололось небо: молния толщиной в руку ухнула прямо во двор, вдребезги расщепив каменный стол.

Ло Юй мгновенно побледнел, осекшись.

— Попридержи язык, — черный туман подобрался к подоконнику и, казалось, уставился на обугленную воронку в земле с невольным содроганием. — Дерзнешь хулить Небеса — и от тебя лишь горстка пепла останется.

Ло Юй сквозь зубы процедил три «хорошо» и разжал правую ладонь, раскрывая фолиант:

— Тогда я напишу так: Янь Жунъи сгинет в тайном царстве Юймин от руки Гуй Ся!

Он замер в ожидании. Прошла секунда, другая, но кроваво-алые строки на страницах книги так

и не проступили. Ло Юй резко вскинул голову, глаза его вспыхнули лютой, изнуряющей ненавистью:

— Значит, чужими руками его тоже не прикончить?!

— Нельзя, — отозвался туман, выступая рупором Небесного Дао. — С первого дня, как этот фолиант попал тебе в руки, я твердил: нет во всем свете того, кто был бы способен лишить жизни Янь Жунъи или Линь Цзюшэня.

Ло Юй не стал допытываться «почему». Когда-то давным-давно он уже задавал этот вопрос — и полученный тогда ответ ничем не отличался от судьбы каменного стола у него во дворе.

— Раз уж ни одна тварь не способна их убить... — Ло Юй прищурился, глубоко втянул воздух, и ядовитый омут в его глазах улегся, сменившись холодной расчетливостью. — В таком случае пусть Янь Жунъи навечно застрянет в таинствах Юймина.

На сей раз древняя бумага отозвалась. По ней, словно свежая кровь, расползлись багровые иероглифы:

[Янь Жунъи оступится и сорвется на четвертые небеса тайного царства Юймин. Ввергнутый в объятия пламени Юймин, он окажется пленен и не сможет вырваться.]

Однако появление этих строк не принесло Ло Юю долгожданного покоя. Повернувшись к черному сгустку, он велел:

— Ты пойдешь за ним. Своими глазами увидишь, как пламя Юймин сжигает его дотла, пока от него не останется ни горстки праха. Лишь тогда вернешься!

Черная глушь неохотно заколыхалась, извиваясь:

— Пламя Юймин нещадно, даже мне долго возле него не продержаться... Ну да ладно! Учитывая, сколько лет мы с тобой знакомы, так и быть, сослужу тебе эту службу. Но уговор дороже денег: я выручаю тебя, а ты отдашь должок мне.

Ло Юй досадливо отмахнулся:

— Из новых учеников, что недавно взошли на гору, выбирай любого.

Внутри черного клуба раздалось отвратительное, жадное чавканье:

— Ох, как же давно я не вкушал свежей человечины... Вот вернусь из тайного царства Юймин

— и уж отъемся от души!

— Умерил бы ты аппетит, — Ло Юй нахмурился, свернул фолиант и захлопнул приоткрытую створку окна. — У этого набора редчайшая жила к культивации, старейшины возлагают на них огромные надежды.

— Знаю я, знаю. Всех подряд глотать не стану.

— Вот и ладно.

Проследив взглядом, как черный дым улетучивается прочь, Ло Юй снова сжал в ладони рукоять Меча Гибискуса.

«Лик точно гибискус, бровки словно ивовые листья...»

Когда-то Почтенный Чэнъин собственными руками выковал парные клинки: один нарек Мечом Гибискуса, а второй — Мечом Изгиба Брови.

Ло Юй до самого последнего мига верил, что это оружие предназначалось им с Янь Жунъи. Как-никак, у Почтенного Чэнъина за всю жизнь было лишь двое учеников.

В те далекие дни его помыслами еще не овладела всепоглощающая гордыня, да и безудержная, сводящая с ума предвзятость наставника еще не проявила себя во всей полноте. Ло Юй искренне полагал: пускай ему не суждено стать самым любимым последователем Линь Цзюшэня, в сердце учителя он все одно занимает особое место, отличающее его от легиона обычных адептов.

Но жизнь показала, насколько глубоко и жестоко он заблуждался.

Ло Юю навечно въелась в память та глухая полночь, когда над горами бушевала метель. Янь Жунъи вернулся на Фушань, неся на руках израненную, истекающую кровью Сестру Бай Лю, а вслед за ним, точно тень, брел потерянный, раздавленный горем Брат Бай Шуан.

Тускло мерцал одинокий фитиль свечи, а за стенами неистово завывал ураган.

Почтенный Чэнъин ушел в уединенную медитацию, закрыв двери для всех без исключения.

Ло Юй, накинув на плечи верхнее платье, подошел к окну и услышал, как Янь Жунъи пытается утешить Брата Бай Шуана:

— Потерпи немного. Я пойду и буду молить Учителя. Учитель непременно... обязательно спасет твою сестру!

Голос Брата Бай Шуана прерывался задушенными всхлипами, он походил на загнанного, беспомощного детеныша:

— Брат Янь... Скажи, моя сестра ведь не умрет? Это все моя вина! Она ведь ради меня... ради меня подставилась!

— Брат Бай Шуан, прекрати себя казнить, — резко оборвал его Янь Жунъи. — Я — Старший брат школы Гор Фушань. И раз уж Сестра Бай Лю получила такие раны, в том есть и моя вина. Обожди здесь, я немедленно отнесу ее к Учителю.

— Брат Янь! Если сегодня моей сестре даровано будет спасение... — с тяжелым, глухим стуком юноша грянулся коленями об обледенелые плиты. — То отныне весь наш клан Бай...

— Замолчи! — поморщившись от головной боли, Янь Жунъи перехватил девушку на руках и, не оборачиваясь, устремился к пещере уединенного самосовершенствования Почтенного Чэнъина. — Я сделаю вид, будто не слышал твоих слов. Попробуешь повторить — и с этого дня между нами не останется ни капли братской связи!

Брат Бай Шуан так и остался стоять на коленях во мраке, с налитыми кровью глазами. Лишь когда силуэты Старшего брата и сестры растаяли в снежной круговерти, он трижды сокрушительно отвесил земляные поклоны, разбивая лоб о камень.

Затаившийся в комнате Ло Юй с изумлением наблюдал за происходящим, колеблясь: стоит ли выходить на мороз, чтобы утешать Брата Бай Шуана?

Брат Бай Шуан был не просто личным учеником Старейшины Тяньцюань, но и любимым младшим отпрыском влиятельного клана Бай, да к тому же состоял в близких отношениях с Ваншуем, племянником Старейшины Тяньсюань. Прикинув так и эдак, Ло Юй рассудил, что с этим юношей весьма полезно сойтись поближе.

Наконец взвесив все «за» и «против», он решился отворить дверь. Увы, на белом покрове уже никого не было — лишь две глубокие вмятины, заносимые свежим снегом, хранили память о том, где только что стоял на коленях Брат Бай Шуан.

Ло Юй скучающе зевнул. Глядя на беснующийся буран, он глубоко сомневался, что Янь Жунъи удастся вымолить аудиенцию у Почтенного Чэнъина.

Да если бы и встретил — что с того?

Линь Цзюшэнь — сильнейший мечник поднебесной, но в той же мере он и самый бесстрастный

среди совершенствующихся. За его спиной шептались многие, утверждая, будто он ступил на Путь Бесстрастия и оттого хладнокровно взирает на все мирские страсти и страдания.

С какой стати Линь Цзюшэню тратить духовные силы ради незначительной девчонки с посредственными жилами?

Ло Юй с качанием головы вернулся на свое ложе. Укладываясь на кушетку, он принялся дотошно сочинять сочувственные речи, которыми наутро обнадёжит скорбящего Брата Бай Шуана, и вскоре с чистой совестью погрузился в сон.

А на другом конце обители Янь Жунъи, волокший на загривке угасающую Сестру Бай Лю, зашелся в тяжелом кашле. Сплюнув на снег сгусток алой крови, он с горькой ухмылкой прошептал:

— Эх, Учитель... ну и задали же вы мне задачу.

Вход в пещеру, где уединился Почтенный Чэнъин, защищала смертоносная череда из восьмидесяти одного мечевого строя. Сорок из них Янь Жунъи преодолел ценой нечеловеческих усилий, но впереди оставалась еще сорок одна застава.

— Брат Янь... — очнувшись у него за спиной Сестра Бай Лю прошептала это еле слышно, а из ее глаз выкатились две кровавые слезинки. — Оставь меня. Учитель ушел в уединенную медитацию, он не станет меня спасать...

— За кого ты принимаешь Учителя? — прерывисто дыша, возразил Янь Жунъи. — Он никогда не бросит умирающего без помощи.

Сестра Бай Лю лишь молча проливали слезы.

Янь Жунъи было не до сочувственных речей: тыльной стороной ладони смахнув кровь с губ, он сосредоточенно впился взглядом в непрерывно смещающийся узор духовных клинков. За несколько мгновений он увернулся от десятка смертоносных росчерков света.

Увы, ноша за спиной сковывала движения. Преодолевая пятидесятый мечевой строй, он сумел уклониться от хищного шквала перед собой, но упустил из виду затаившийся позади клинок.

В мгновение ока Янь Жунъи стиснул зубы и крутанулся всем телом, подставляя себя под удар.

— Брат Янь!

Пфф-чх!

Глухой, тошнотворный звук стального острия, пронзившего плоть, слился с отчаянным вскриком девушки и растаял в плотном хороводе снежинок.

Янь Жунъи рухнул на одно колено. Лишь всаженный в землю меч позволил ему удержать равновесие и не повалиться в сугроб.

— Брат Янь, умоляю,ними меня... — заливалась горькими слезами Сестра Бай Лю.

Он с трудом выдавил тихий смешок:

— Глупая... Твой Старший брат силен как никто. Что за слёзы? Неужто не веришь в меня?

— Но ты ведь... Ты ведь едва...

Янь Жунъи попытался ухмыльнуться, намереваясь сгладить обстановку, но движение отозвалось такой дикой болью, что у него потемнело в глазах. Схватившись за рот, он зашелся мучительным кашлем, и густая алая кровь хлынула сквозь сжатые пальцы.

Глядя на алые цветы, расцветавшие на белом покрове, Сестра Бай Лю сорвалась. Плача, она изо всех сил забилась, пытаясь соскользнуть с его плеч.

От этих хаотичных движений Янь Жунъи, и без того тяжело раненный, зашелся новым приступом кашля и снова сплюнул кровь:

— Побойся богов, угомонись... Если ты не выкарабкаешься, Брат Бай Шуан за мной по всей горе Фушань с мечом носиться будет.

Сестра Бай Лю мгновенно замерла, боясь шелохнуться, и лишь судорожно сглатывала слезы:

— Брат... Брат Янь... Я же понимаю, что ты желаешь мне добра! Но я... я ранена смертельно, меня уже не спасти! Не губи свою духовную основу ради меня, ведь как же ты... как ты дальше совершенствоваться будешь?!

Эта нравоучительная тирада по длине могла соперничать с наставлениями самого Почтенного Чэнъина. У Янь Жунъи аж зубы заломило. Впрочем, девчушка казалась куда разумнее своего брата. Не удержавшись, он поддразнил ее:

— И не зря твой братец над тобой так трясется. Если приглянется кто из учеников — сразу мне скажи, я лично пойду сватать.

Сестра Бай Лю поперхнулась от такой наглости. На ее щеках застыли слезы, из груди вырвался смешной, всхлипывающий ик, и она с пылающим от смущения и досады лицом уставилась в затылок Янь Жунъи. Не истекай он кровью в эту минуту — точно огрела бы его по шее ладонью.

Подшутив над ней и убедившись, что слезы утихли, Янь Жунъи скрытно перевел дух. Получить от девчонки затрещину было куда приятнее, чем слушать ее безутешные рыдания. В конце концов, плачущая девица быстро теряет красу.

Выровняв дыхание и усмирив бушующие духовные потоки, Янь Жунъи подтянулся и снова встал на ноги.

Пятидесятый мечевой строй служил рубежом — всякая следующая застава таила в себе неизмеримо больше смертоносной лютости, чем предыдущая.

Тело Янь Жунъи покрывалось все новыми глубокими ранами, и каждый следующий шаг оставлял за собой алые следы на снегу.

Сестра Бай Лю сперва умоляла оставить ее, но постепенно чувство страха и боли притупилось. Ей казалось, что доживать последние минуты им с Янь Жунъи осталось совсем недолго и встретить Почтенного Чэнъина живыми им не суждено.

Преодолевав семидесятый строй, Янь Жунъи опустошил духовные резервы своего дантяня до самого дна. Его белоснежное одеяние давно пропиталось кровью, став багровым; пальцы, сжимавшие рукоять, заходились мелкими судорогами, а буран вокруг все не утихал.

— Ну что, Сестра Бай Лю, сбавим шаг? — с показным небрежением проговорил Янь Жунъи. Бережно опустив девушку на снежный покров, он опустился рядом и, преодолевая адскую боль, запустил внутреннюю циркуляцию духовных сил школы Гор Фушань.

Уйдя в медитацию, он не удержался от горькой иронии: увидь его сейчас Брат Бай Шуан, непременно занесет меч да изрубит на куски, обругав последними словами за бесстыдство. В самом деле — от его верховного платья остались одни рваные лоскуты, изодранные духовной мечевой ци!

Минуло время, за которое сгорает одна ароматическая палочка, и Янь Жунъи вновь поднялся во весь рост. Вскинув Сестру Бай Лю на плечи, он оторвал длинную полосу от изодранной полы и, тихо проронив: «Прости за дерзость», надежно привязал девушку к своей спине.

У Сестры Бай Лю уже не оставалось сил даже на шепот. Смесь горячих слез и густой крови медленно стекала по шее Янь Жунъи.

Расправив сгорбленные плечи, он произнес ровным, несокрушимым тоном — так, чтобы

слышала лишь она:

— Сестра Бай Лю. Держись за меня. Старший брат ведет тебя к Учителю.

<http://bllate.org/book/20430/2132109>